

Живет в Нью-Хэмпшире (США).

1.

У этого человека – судьба придорожного камня:
поднят с пыльной земли, согрет и приглажен руками,
а потом неожиданно брошен в бездонный омут воды ли, тоски –
лишь для того, чтобы кто-то от скуки считал разбежавшиеся круги.
А у этого камня, похоже, судьба «человека в футляре».
Постоянно прячется по чехлам, любит спать в антикварном фуляре,
смотрит на жизнь сквозь трещины, распоровшиеся швы, дырочные просветы.
На камне -иероглифами- татуировка «на удачу». Его любят именно за это.

Смещение судеб, перераспределение священной субстанции чи.
Замри под этой колдующей полной луной и молчи.
Постарайся ничего не желать и ни в чём не нуждаться.
Пережидай водоворот спонтанных трансмутаций.
А если всё же случайно проснёшься с моей судьбой -
положи её в старый рюкзак и повсюду носи с собой.
Часто будешь идти, как с чугунным горбом, иногда – налегке.
Временами в рюкзаке словно рыбины станут плескаться, как в садке,
словно станут опасно гудеть потревоженные осы.
Если услышишь голос – не задавай вопросов.

Никогда не дёргай за молнию, не пытайся подсмотреть -
тебе моя доля впору лишь на треть.

Я буду бесконечно погружаться в этом омуте, не имеющем дна.
Но однажды снова случится всемогущая помешанная луна.
Вырастет в небе, как обёрнутый фольгой рождественский орех,
всё переиначит и спутает, поменяет местами «низ» и «верх».
И я упаду обратно, вернусь за своей сумасбродной судьбой.
И за камнем, сулящим удачу в любви.
И может быть, даже за тобой.

2.

Камень думает, что умереть и умерить – это одно и то же.
Время приходит к нему по ночам и гладит наждачной бумагой по коже.
Потому что изнашивание материи - составляющая космического прогресса.
Даже смерть – это просто исчезновение удельного веса.

Камень движется траекторией постепенных непрестанных уменьшений.
Вокруг него разрастается плантация небесного женьшеня,
а глубоко внутри – меняется давление, плотность и структура, -
словно там возникает полость повышенной температуры,
словно там пульсирует воздухом и огнем начинённая пропасть...
Там – полуобморочная нестабильность и полёт,
катастрофа и сногшибательная лёгкость.

Камень спит, укрытый звездным одеялом.
Чуть заметно ворочаясь.
Почти дыша.

В его недрах пробуждается душа.

3.

У него опять кровоточит ранка на левом мизинце.
Со всей округи слетаются молчаливые птицы,
садятся вплотную, немигающими глазами наблюдают
за тем, как небо убывает наверху, а внизу прибывает.
Вокруг его руки сгущается голубоватый свет.
Время замедляется, практически нисходит на нет...

Он пахнет северным ветром и перистыми облаками.
Я держусь за него, как за воздух держится камень –
позволяя объять себя, заполнить все мои трещины и поры.
Ему никогда не покинуть меня – так безбрежное море
не способно отстраниться от ракушки на собственном дне.

Иногда я кажусь себе якорем, держащим его на Земле.

В последнее время всё чаще, когда мы сидим вечерами дома, он становится очень прозрачным, почти невесомым, и молчит - отрешённо, нездешне, вневременно...невыносимо. В каких-нибудь сумерках он истончится необратимо, ускользнёт за предел моих сенсорных возможностей.

И тогда я скую в кузне сердца из нежности ножницы и начну выкраивать его из неба по памяти, по наитию, и привязывать к себе дождевыми пунктирными нитями. Стану слушать лекции ветра о вечном и запредельном. А любить его буду всё также – по-человечески, смертельно.

